

ДМИТРИЙ КОРОЛЕВСКИЙ

КАЛЕЙДОСКОП

МИР 50

Дмитрий Королевский

Калейдоскоп миров (сборник)

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5816568

Аннотация

Осторожно! Будьте бдительны! Вы вступаете в зону фантазий Дмитрия Королевского, и неизвестно куда забросит вас судьба в следующем рассказе – на неизведанную планету под бок к пиратам, в глушь, где по ночам на округу наводит ужас нечисть, а может вы станете свидетелем беспощадного эксперимента властей?

Хитросплетения подлинно человеческой низости со свойственной только людям доверчивостью, планы сверхъестественных существ и обитателей потустороннего мира – дьявольская мозаика складывается в картину случаев, о которых не принято рассказывать первому встречному...

Фантазии перекатываются разноцветными стеклышками, приманивают любопытный взгляд, чтобы показать скрытые цвета мира. Стоит поддасться искушению – и калейдоскоп затянет вас водоворот непознанного. Мир заиграет яркими красками, пробудятся чувства и воображение распалится мечтами!

Читайте в любом порядке, и заплетайте только ваш причудливый узор приключений.

Содержание

Пират	5
Горгонианский синдром	24
Смертельное оружие	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дмитрий Королевский
Калейдоскоп миров
Сборник рассказов

Сборник рассказов – «Калейдоскоп миров»

Пират

Из рваного бока небольшой десантной капсулы, откуда валил черный густой дым, появилась окровавленная человеческая рука и с силой сжала ошестинившийся острыми стальными зубцами край дыры. Послышался тяжелый надрывный кашель. Человек в разрушенной капсуле швырнул на коричневую каменную землю измазанный в саже лучемер. Потом попытался вылезти сам, но первая попытка не удалась. Он соскользнул по каткой стенке капсулы, пальцы с силой сжали острые края дыры так, что брызнула кровь. Человек застонал. Измазанное, ободранное лицо исказилось от боли, однако он не разжал пальцы, а, собравшись с последними силами, подтянулся и вывалился наружу. Тяжело брякнулся о землю, минуту лежал, собираясь с силами. Как же ему все-таки повезло. Он упал с двухтысячной высоты и остался жив, аварийные подушки, в отличие от катапульты, сделали свое дело. Но не стоит испытывать судьбу, капсула в любой момент могла взлететь на воздух. И все же, куда же он попал, на какую из многочисленных планет солнечной системы «Баркас-5»? Может быть, знают они, чей лазерный луч пробороздил его боевую капсулу, по крайней мере, двое из них, третий крейсер пиратов он таки успел пробуравить своими ракетами, и теперь тот уже валяется где-нибудь на поверхности планеты. Он отполз на безопасное расстояние и

остановился, сев на корточки, стал оглядываться. Все планеты этой системы, затерянной в созвездии Лебеда, были мало изучены, можно даже сказать, почти не изучены. Люди знали лишь одно – они были не пригодны для выживания. Слишком необычны здесь были флора и фауна. На какую из этих «чудопланет» ему посчастливилось упасть, десантник не знал. Да если б и знал, что толку, другие все равно его не найдут, радиомаяк был поврежден вместе со всей капсулой одним роковым выстрелом.

Он патрулировал границы системы, принадлежащей Империи, и надо было такому случиться – сбился с курса, главный бортовой компьютер вышел из строя, капсулу занесло на территорию пиратов, которые, конечно же, не заставили себя ждать. Три больших крейсера атаковали с трех сторон, и все-таки напоследок десантник успел утащить за собой одного, что поразил его лазерной пушкой.

Он взял с земли лучемер, с трудом поднялся на ноги, металлический знак на груди с левой стороны, с надписью «Полковник Ханг Моррисон, номер 6788», сверкнул, отражая лучи незнакомого светло-желтого, почти белого, светила. Моррисон медленно побрел вперед, не осознавая, куда тащили его непослушные ватные ноги. Угрюмый взгляд обшаривал незнакомую местность. Серая, засушливая поверхность инопланетной степи, со скудной ярко-желтой растительностью, а там, вдалеке, виднелся лес, такой же желтый, состоящий из огромных деревьев, больше напоминающих

саксаул. А что же это? Десантник приостановился, вглядываясь вдаль. Дым. Черным столбом из леса в небо поднимался дым. Но кто мог поджечь его? Да никто и не поджигал, лес загорелся в результате падения пиратского крейсера. Отлично! Это просто замечательно! Ханг несколько не сомневался в своей догадке, да и выбора у него все равно не было. Надо лишь найти сбитое судно неприятеля, и дай Бог, если радиомаяк пиратов будет цел. Тогда ему не составит особого труда перестроить его на другую, нужную волну, и связаться со своими. Ханг почувствовал прилив сил и двинулся в направлении леса.

Он долго брел по равнине, припекаемый чужим неприветливым солнцем, приближаясь к лесу, от которого веяло прохладой и целым букетом приятных, незнакомых запахов. В глазах до сих пор стоял туман, во рту чувствовался привкус гари, а раны на всем теле неприятно ныли. Полковник кое-как двигал некогда сильными, натренированными ногами, будто инвалид, привыкающий к новым протезам.

Спустя еще один час он, наконец, добрался до окраины леса. Обессилев совсем, он рухнул в тень гигантского саксаула и провалился в глубокий сон, позабыв обо всех мерах предосторожности.

Проснулся Ханг от того, что услышал звериный крик, дерево над ним затрещало, и с него посыпалась редкая желтая листва. Зверь, издавая звуки, напоминающие обезьяньи, бросился прочь, перепрыгивая с дерева на дерево со скоро-

стью торпеды, отчего невозможно было понять, как он выглядит. Моррисон опустил лучемер. Черт! Как же он был неосторожен, уснув на окраине незнакомого леса. Полковник поднялся с земли, осмотрелся. Начинало смеркаться, солнце наполовину торчало из-под ровного горизонта, идти в лес ночью было опасно, поэтому десантник решил дожидаться утра. Он насобирав палые ветки, что валялись вокруг, и развел костер с помощью лучемета, переведя оружие на малый режим огня. Потом сел у костра, снял из-за спины с виду неприметный на легком скафандре «мешок десантника», куда входило все необходимое для выживания на незнакомой планете. Извлек из него нечто, походящее на небольшую подушку из плотного, серебристого цвета, материала, с молнией на боку, которую он расстегнул, и подушка на глазах разложилась в большой спальный мешок. Из тонкого, но теплого, а также, несгораемого материала. Моррисон подбросил дров в костер и сел на спальник. Положив с собой рядом лучемер, снова полез в мешок, достал медицинскую аптечку, обработал и забинтовал особо глубокие порезы и ссадины, потом напичкал себя пилюлями сухой воды, пищи и стимуляторами. Наполовину забравшись в спальный мешок, уселся, опираясь спиной о дерево. Спать ночью в инопланетном лесу было большой ошибкой, поэтому десантник твердо решил, что дождется утра не сомкнув глаз, были времена и похуже, и по трое суток не спал.

Ночь прошла на удивление быстро, на горизонте забрез-

жил восход, костер почти потух, и только дымил. Моррисон выбрался из спальника и, сложив его в миниатюрную подушечку, убрал в МЕДС (сокращенное название «мешка десантника», получившего это имя у самих десантников), а потом, в последний раз оглядев степь, шагнул в лес. Странные, несурзные деревья словно какие-то чудовища сомкнулись над ним, протягивая корявые ветки-крючья, цепляясь за и без того разорванную одежду, царапая лицо. Но он шел вперед, твердо зная, что придет к пиратскому крейсеру. На втором часу пути по необыкновенно тихим джунглям, где несколько раз слышалось пение птиц, встретился небольшой зверек, напоминающий крысу, но в то же время и зайца. Полковник вышел на небольшую поляну, покрытую множеством больших белых цветов, напоминающих ромашку, однако в три, а то и в пять раз больше. Вокруг цветов, жужжа, кружились какие-то насекомые, полосатые, словно Земные пчелы, но более крупные и больше походящие на майских жуков. Он остановился, невольно залюбовавшись красотой, которая так напоминала Землю. Моррисон нагнулся, трогая пальцем бледно-желтый, бархатистый бутон-таблетку «ромашки».

«Боже мой, совсем как на Земле! – подумал Ханг, однако эта мысль ненадолго задержалась в его мозгу, сменилась другой: – Черт! Это что за номер?! Нет уж, эта гадкая планета не сравнится с Землей!»

Лепестки «ромашки» плотно сомкнулись вокруг его пальца, зажав, словно краб клещами. В ту же злополучную секунду

ду Моррисон вскрикнул от сильной боли, хотел было отдернуть прокушенный до кости палец, но не тут-то было. Цветок вцепился крепко. Вот уже его светло-зеленые и слабые на вид веточки начинали обвивать его кисть. Два алых луча вылетели из лучемета, пережигая ужасный цветок пополам. Лепестки, сжимавшие палец, разомкнулись, и полковник откинул остаток пережженной «ромашки», еще живой, и готовый снова вцепится в него своими мелкими, но очень острыми зубками, и с силой наступил на скалящуюся мордочку. Раздался слабый хруст, зеленая жидкость брызнула из-под подошвы. В тот же миг вся поляна зашуршала, зашелестела, сотни цветков раскрыли зубастые рты. Полковник не растерялся, врубив лучемет на полную мощь, выжег на поляне, состоящей из цветов-хищников, питающихся плотью и кровью своих жертв, широкую тропу, и спокойно перебежал по ней вглубь леса. Тем временем, хищные «ромашки» зашумели еще больше, и вдруг Моррисон услышал сквозь этот шум и гам тот самый звериный крик, проходящий на ор бабуина, от которого он вчера проснулся на окраине леса. Крик приближался, и слышался он, как минимум, с двух сторон. Ханга одолел страх. Он не знал, что ожидать от этих существ. Если уж простые цветы чуть не разорвали его в клочья, то что ожидать от животного, к тому же, лазающего по деревьям.

Он бежал, не разбирая дороги, падая и спотыкаясь, больно натываясь на ветки, но бежал, однако ж, твари, что неслись за ним, быстро настигли его. Он выстрелил в одну из

них, но промахнулся, зато пережег ветвь, на которой сидело существо, и этого вполне хватило. Животное с визгом брякнулось о землю, упав с десятиметровой высоты, и больше не встало. Но второе продолжало безумную гонку. Сильный толчок в спину, и Моррисон покатился в яму, внезапно разверзнувшуюся перед ним, ощущая на своей спине цепкую хватку. Остановился десантник у широко раскрытого зева норы. Существо на спине сразу же вцепилось в него еще крепче, Ханг зарычал от бессилия и злости. Вдруг зверь неожиданно зашипел, взвизгнул и спрыгнул с его спины, полковник в непонимании поднял глаза и застыл, увидев огромную саблезубую кошку, появившуюся из норы, как призрак. Теперь десантник разглядел и само существо, что набросилось на него. Оно было небольшое, примерно метр в высоту, покрытое гладкой желтой шерстью, стояло на двух ногах, как человек, оскалило зубастую пасть. Длинные сильные руки, которые служили этому существу так же, как вспомогательные ноги, зверь выставил вперед, демонстрируя огромные когти. Саблезубая кошка же была в четыре раза больше этого странного существа, напоминающего обезьяну. Она пристально смотрела на него, поводя толстым рыжим хвостом. Полковника, лежавшего рядом, она попросту не замечала. Моррисон незаметно подтянул за ремень лучемер и стал отползать назад. В ту же секунду кошка, дико зарывав, одним гигантским прыжком настигла застывшую, словно статую, «обезьяну». Моррисон почувствовал, что все

его тело стало трястись, выдавая постыдный страх, силы покинули его, и ему оставалось только одно – следить широко раскрытыми глазами за борьбой неизвестных инопланетных зверюг. Минуту спустя огромная саблезубая кошка уже лежала на земле и хрипло рычала, из перегрызенной глотки толчками била розовая кровь, маленькая же «обезьяна» стояла рядом. Вид крови заставил полковника выйти из минутного оцепенения, он ловко ухватил лучемер, и твердо надавил кнопку-курок. Лучи с треском прожгли тело «обезьяны», маленькое и желтое, оно упало на опавшую листву, запахло паленым. Ханг вскочил на ноги, надо было как можно быстрее убраться от этого места, мало ли кто еще выберется из норы.

Моррисон шел еще очень долго, когда, ближе к вечеру, не начал встречать сторевшую траву и опаленные деревья. Значит, он почти дошел до крейсера. «Не почти, – поправил себя Ханг, – а дошел!»

Крейсер лежал, спрятанный за обгорелыми стволами деревьев, полковник приблизился. «Ага! Пираты пытались его посадить, и им это почти удалось, – увидав обломанные поручни, догадался десантник. – Вот почему они не разлетелись, ударившись о планету». Моррисон обошел крейсер.

– Значит, я повредил им один из двигателей, – увидев огромные пробоины, оставшиеся после ракет, заключил полковник.

Дверь-панель крейсера была открыта, и мост-трап лежал

на земле. Моррисон насторожился, палец лег на кнопку-курок. Сколько, сколько же пиратов осталось в живых? Он приближался к трапу, держа на прицеле черный проем двери, и заметил следы, которые хорошо отпечатались на покрытой золой земле. Из крейсера выходил один человек, и следы его вели в лес, но они и возвращались.

– Стоять!!! Руки вверх!!! – услышал он, рефлекторно направив лучемер в сторону голоса.

Стоявший в дверях паренек лет семнадцати, в черной форме с белым черепом и костями на груди (экипировка пирата), наставил на Ханга плазмобластер, однако и сам десантник держал его на прицеле.

– Кто ты такой? – решительно выкрикнул молодой пират. Моррисон решил представиться, смотря в глаза своего врага.

– Полковник Ханг Моррисон, шестой патрульно-десантный батальон его величества Императора! – выпалил он, как на докладе, и добавил с ехидством: – А тебе, я вижу, и представляться не надо, ты пират, враг человечества и всей Империи!

– Я не пират! – взвизгнул парень.

– На тебе экипировка космического пирата, я разве не прав?

– Одежда еще ничего не значит! Я вынужден был надеть ее...

– Ну, если ты не пират, – уже спокойно и вкрадчиво проговорил Моррисон, – тогда зачем ты наставил на меня, вер-

ноподданного империи, свой плазмобластер? Опустить его, если ты действительно не пират.

Парень несколько секунд колебался, глядя на спокойное и серьезное лицо Ханга, который уже опустил свой лучемет.

– А откуда я знаю, что ты мне поверил, и не убьешь меня в ту же секунду, как я опущу оружие? – более мягко и спокойно спросил парень.

– Я даю тебе слово, парень! – смотря в его глаза, твердо произнес Моррисон. – Слово десантника!

– Так ты мне веришь? Веришь, что я не пират?

– Да.

– Но почему

– Я понял, посмотрев на твоё оружие, что ты не умеешь им пользоваться! – иронически произнес Ханг. – Видишь вон ту красную лампочку, сбоку бластера, – она должна загораться, когда оружие снимают с предохранителя.

Парень посмотрел на бластер и почти сразу отпустил его.

– Вот так-то лучше! – облегченно вздохнул полковник и шагнул на трап. – Ты, как я вижу, один остался жив? – он вопросительно поднял бровь. – Я прав?

– Да! – без всякого сожаления в голосе ответил парень. – Последнего пирата я похоронил сегодня утром.

– Если ты не пират, то скажи хоть, как тебя зовут?

– Рон! Рон Оттман! А ты? Ты как узнал, что наш крейсер был сбит над этой планетой в бою с какой-то Имперской капсулой? Там же больше никого не было? – взволнованно

спрашивал парень.

– Я и был за штурвалом этой самой Имперской капсулы! – заходя внутрь крейсера, ответил Моррисон.

Полковник был уверен, что парень не наврал, и здесь нет засады. Уж очень хотелось ему в это верить. Да и выглядел молодой «пират» совсем не глупо. Надо быть последним идиотом, чтобы здесь, в затерянном, неизведанном мире, продолжать ту затянувшуюся войну между войсками Императора и анархистами Капитана Ворона.

– Но как?! Она же взорвалась!

Рон бросился вслед за Моррисоном, который быстро шел по плохо освещенному коридору к кабине управления. Строение подобных этому судов полковник знал отлично.

– Значит, нет, – небрежно бросил десантник, вдавливая большую красную кнопку сбоку от двери-панели.

Панель ушла вверх. И Ханг прошел в хорошо освещаемую вечерним заходящим солнцем, пронизывающим лучами бронестекла огромных иллюминаторов, комнату. Преследуемый взволнованным парнем Роном Оттманом, облаченным в пиратскую форму, но не являющимся пиратом.

– Что?! Что ты собираешься делать? Ты можешь мне объяснить? – снова обрушился на Ханга шквал вопросов.

Моррисон исподлобья покосился на парня.

– Может, я могу помочь? – застенчиво поинтересовался Рон.

– Не уверен, но ответить можешь! Радиомаяк цел?

– Да, – кивнул Рон, и выкрикнул перепугано. – Ты собираешься связаться со своими?

– Именно, – коротко ответил полковник, и проследовал к пультам управления, штурвалам и мониторам. – Ты им уже воспользовался?

– Нет, зачем, я не умею настраивать его на другие волны, а для остальных пиратов было лучше не знать, что кто-то уцелел на крейсере. Я не хотел возвращаться к ним! – И под испытующим взглядом полковника Рон резко сменил тему: – Но они, твои спасители! Они убьют меня! – Парень схватил Моррисона за плечо.

– Ты будешь со мной, Рон, – обернулся полковник. – Тебя никто не убьет, обещаю!

Рон в который раз поверил в слова незнакомого ему человека, да и как он мог не поверить единственному мыслящему, себе подобному существу на этой затерянной планете, где в одиночку не выжить, только держась вместе у них появился такой шанс.

Перенастроить радиомаяк на нужную волну Моррисону не составило огромного труда. В кабине совсем стало темно, и лишь этот спасительный прибор мигал, светясь красным светом.

– Ну, вот и все! – вытирая капельки пота со лба, сказал Ханг, откинувшись на спинку кресла. – Сигнал дойдет до них, как минимум, к завтрашнему вечеру. Будем ждать. – Он посмотрел на сидящего рядом Рона. – Ночь будет длинная,

так что, изволь, расскажи, парень, как ты попал к этим выродкам, мне же надо как-то тебя оправдать!

И Рон Оттман, семнадцатилетний парень (как он сам сказал), единственный выживший из всей команды пиратов, потерпевших крушение в бою на своем крейсере, начал свой рассказ, из которого полковник узнал очень многое о его жизни.

Ему было шестнадцать, и он жил на улице, клянча деньги и питаясь отбросами. И вот, в одну из холодных ночей, когда невозможно было уснуть, даже съезжившись в мусорном ящике, Рон, как всегда, отправился бродить по ночному городу. Вскоре его острое обоняние учуяло витавший в воздухе запах вкусной пищи. Он пошел вперед, полагаясь на нос, и вскоре услышал веселые пьяные голоса и музыку. Подойдя к углу здания, он выглянул из-за него. Около ночного бара толпилось два десятка парней в черной форме с черепом и костями на груди (тогда он не знал, кому принадлежит эта форма), они пили пиво и ели жареные сосиски и цыплят. Рону жутко хотелось есть, так что он едва не потерялся сознание. Рон, накинув на голову капюшон, вышел из-за угла, направляясь к бару, скрываемый тенью здания. Пьяные летчики, – так сразу окрестил их парень, заметив на некоторых из них летные куртки, – не заметили, как он подобрался к одной из раскаленных решеток, на которой запекались сосиски, и взял две крайние. Съев их, он решил еще раз попытать счастья.

– Лучше б я тогда остался голодным! – сокрушенно сказал парень. – Пригнувшись, я приблизился к другой решетке, и ощутил, что наступил на что-то мягкое, нагнулся, и стал ощупывать асфальт руками, и наткнулся на нечто колючее. Это была небритая рожа лежащего захмелевшего пирата. Он проснулся, ухватив меня за руку, и заорал хрипло: «Полундра, братцы...». Дальше шли трехэтажные маты. Так я попал к ним, они накормили меня, и предложили работу на своем крейсере, представившись исследователями, мол, будешь оборудование подтаскивать, убирать, разгружать. Однако через неделю я носился по крейсеру, подтаскивая оружие, убирая трупы и разгружая награбленное. Тут-то я и понял, а точнее, вспомнил смысл белой эмблемы у них на груди, но было уже поздно!

– Да-а-а-а! – протянул задумчиво Моррисон. – Невеселая у тебя история!

Рон хотел сказать еще что-то, но странный звериный крик, донесшийся до них из леса, остановил его. Секунду спустя к одному голосу прибавилось еще несколько, жутких, взбешенных.

– Кто это? – смотря на десантника, спросил парень, хватая плазмобластер.

– Кажется, я знаю! – с опозданием ответил Моррисон, вставая с кресла. – Надо закрыть двери!

– Но они не закрываются! – Рон встал тоже. – Они открылись автоматически при ударе о планету, и больше не закры-

ваются, я пробовал!

– Черт! У тебя есть фонарь?

– Да, но я боялся его зажигать...

Рон протянул Хангу уже включенный фонарь, и десантник сразу же зашагал по коридору. Парень шел следом.

– Стоп! – поднял Моррисон руку. – А ты куда? – посмотрел он на парня.

– Я с тобой!

– Нет! Возвращайся и жди меня, это слишком опасно!

– Я пойду с тобой! – твердо сказал парень, в его, полных решимостью, глазах десантник прочитал обиду.

– Ах, да! – хлопнув себя по лбу ладонью, чуть не выкрикнул Моррисон. – Что я взялся оберегать тебя, как малого дитя, ты ж, как никак, целый год у пиратов на крейсере прослужил! Вот только оружием пользоваться не умеешь!

– Я научусь! – решительно произнес парень.

– Дай-ка мне твой плазмобластер.

Рон протянул Моррисону тяжелое, двуствольное оружие.

– Так, смотри, нажимаешь вот эту кнопку, загорается красная лампочка, потом целишься, и плавным нажатием кнопки-курка посылаешь сгусток плазмы во врага! Все просто, проще не бывает! На, бери свое оружие!

Моррисон вернул парню его плазмобластер и снял с плеча свой десантный лучемет

– Пошли!

Из леса снова донеслись голоса, напоминающие бабуиние,

и их стало гораздо больше. Недавно познакомившиеся люди, стоявшие, как говорят, по разные стороны баррикад, шли вместе, нога в ногу, как старые друзья-войки, прошедшие вместе сотню сражений, дравшиеся спина к спине.

Полковник первым вышел из разрушенного крейсера, осветил трап и то, что было потом, докуда хватило света, бьющего из мощного фонарика.

– Что там? – спросил Рон, выглядывая из-за плеча десантника.

– Пока ничего, – спокойно ответил Ханг и двинулся дальше.

Крики были уже совсем близко, трещали деревья, слышался топот.

– Они бегут сюда? – спросил неуверенно парень.

– Не думаю. Они что-то нашли там, на границе сторевшего и нетронутого огнем леса.

– Так там же могилы! – взволнованно вскрикнул Рон.

– Могилы? – переспросил Ханг.

– Да, там я хоронил всех умерших пиратов!

– Пошли, надо возвращаться на крейсер, скоро у этих зверюг закончится мясо, и они доберутся до нас!

Времени на баррикадирование открытых дверей было совсем мало, звери наверняка доедали последнего пирата, вырытого из свежей могилы, и, конечно, чувствовали рядом присутствие еще кое-какой пищи. Обломки металлических труб, бронелисты, решетки, – все, что оторвалось, отлетело

при взрыве и падении, все шло на заделку дверей. Но вот уже первые твари завывали у стен боевого космического корабля.

– Все! – приваливаясь спиной к стене, выдохнул Моррисон, освещая нагромождения металла и стоящего рядом Рона. – А вот и первые падальщики пожаловали! – пробурчал он, услышав бабуиние вопли. – Все ничего, но вот оружия у нас парень маловато!

– Оружия? – уточнил Рон. – Так у меня его навалом, от пиратов осталось!

– Так что ж ты раньше молчал?! – удивился Моррисон.

– А никто и не спрашивал! – развел руками парнишка.

– Беги, неси все, что можешь! – отдавая ему фонарь, сказал полковник.

Рон быстро вернулся, неся в руках и за спиной два бластера и лучемет, не штурмовой, не десантный, но, впрочем, не уступающий ему в огневой мощи. В тот же миг, сотрясая выстроенную ими баррикаду, ударило что-то тяжелое, желтошерстная когтистая лапа просунулась в щель, и тут же была срезана лучеметом полковника. Животное жутко завопило, и запечатанную дверь стали сотрясать новые удары, лапы и головы обезьяноподобных существ протискивались через возникавшие в нагромождении металла прорехи, однако тут же отлетали или исчезали от точной стрельбы двух человек. Первая волна существ была отбита, все стихло, но ненадолго, через минут десять, не успевшие подладить свое защитное сооружение люди услышали новые возгласы «обе-

зьян». Твари набросились на закрытые двери с новой, еще большей силой. Люди едва успевали стрелять в просунувшиеся зубастые морды и лапы, что с невероятной силой гнули и вырывали металлические предметы из всей конструкции, и даже умудрялись швырять ими. И вот, настал момент, когда огромный лист бронеметалла упал, открыв огромную дыру, через которую внутрь крейсера хлынуло желтое полчище.

– Мы не удержим их, Ханг! – крикнул парень, отстраняясь к стене, без разбору паля по желтой массе из двух, раскалившихся до красна, стволов.

– Жечь, жечь тварей! – шипел Моррисон. – Жги, парень! Жги! Они теряют силу!

Полковник был прав, и вторая волна тварей потеряла силу, куча дымящихся желтых телец валялась на полу, на мосту-трапе, на земле, а новых «обезьян» не было слышно. Моррисон выглянул наружу.

– Скоро рассвет, – сказал он, залезая обратно и смотря на парня.

Рон стоял, держа в обеих руках опущенные вниз луче-мет и плазмобластер, спокойно оглядывая трупки «обезьян»-людоедов, пиратская форма на нем была забрызгана кровью этих существ, лицо и руки перепачканы.

– Почему ты не снимешь эту форму? – неожиданно спросил Ханг.

В тот же миг в проеме наполовину заложенной двери мелькнула тень, полковник обернулся, и в тот же миг полу-

чил удар по руке. Лучемер улетел в сторону, он хотел было броситься за ним, но остановился, прямо на него смотрели черные дула лучемеров, три из них принадлежали ворвавшимся пиратам, а четвертый...

– Потому что я пират! – ехидно улыбаясь, ответил Рон. – П-и-р-а-т! – проговорил он по буквам, сбоку его лучемера загорелась красная лампочка. – Вперед! – скомандовал парень, указывая на дверь, и повернулся к черным фигурам с черепом и костями на груди. – Черт! Почему так долго? Я уж думал, вы не прилетите! Не обижайтесь, ребята, но вынужден буду доложить о вас самому Капитану Ворону! Ох, и осерчает наш главнейший, узнав, как халатно относятся его подчиненные к жизни его названного сына.

Горгонианский синдром

Добро и зло. Темное и светлое. В каждом из нас есть и то и другое. И только от нас самих зависит, какую сторону принять. Протянешь ли ты руку помощи падающему в пропасть, или раздобишь каблуком побелевшие от нестерпимой натуги, удерживающие тело пальцы. Упадешь ли в пламя геены огненной, или воспаришь ангелом ввысь? Человек волен изменить все, и не надо пенять на сложившиеся обстоятельства. Но так ли это?

* * *

Приземление было жестким, еще обутые в армейские ботинки ноги больно ударились о каменистую поверхность планеты. Я сделал кувырок, чувствуя, как ставшая малой одежда затрещала по швам. Взгляд помутнел, и я с трудом различил быстро исчезающий во мраке ночи «десантолет», доставивший меня на планету. Жгучая боль волной растеклась по телу, я застонал, извиваясь на острых камнях, что не могли уже принести мне вреда, кожа на моем теле стала толще в десять раз, а местами ее покрывала прочная черная чешуя. Ботинки – последнее, что осталось на мне из всей амуниции, – сопротивлялись дольше всех. Однако и они не усто-

яли, с треском разлетелись в стороны, разрываемые удлиняющимися на глазах стопами ног, что уже мало чем напоминали человеческие. В голове зашумело от внезапно нахлынувших, новых, ранее не осязаемых запахов, подступила тошнота, я едва сдержал приступ рвоты. Сыворотка, вызвавшая во мне мутацию, окончательно вступив в свои права, заканчивала работу и настраивала организм на новый лад. Ну вот, кажется, и все, я с облегчением вздохнул, с шумом втягивая воздух незнакомой, чужой планеты через покрытое слизью отверстие, заменяющее мне нос. Если расчеты верны, то в запасе у меня есть три часа. Этого времени хватит, по крайней мере, так решили они, по чьей воле я здесь. Нет, конечно, не все так однозначно, у меня даже был выбор. Медленно сгнить на рудниках одной из планет-каторг, либо этот, в результате которого я здесь.

Я огляделся. Несмотря на непроглядную темноту ночи, в которой ей подействовали грозовые тучи, видел я все превосходно. Да, ну а как иначе, если я есть симбиоз почти всех жизненных форм (хищников) этой планеты, так удачно сочетавшихся в одном теле!

Надо спешить!

Я бросился вперед, постепенно набирая скорость. Три пары мощных конечностей и небольшие перепончатые крылья в буквальном смысле несли меня над землей. И даже внезапно разверзнувшиеся передо мной глубокие каньоны, являющиеся неотъемлемой частью ландшафта планеты, не были

мне преградой, несмотря на то, что был я здесь впервые.

Горгона – эта планета, если провести аналогию с древними мифами, вполне соответствовала своему названию. Это был сплошной горный, каменистый массив, изрезанный равными шрамами ущелий и невероятно глубокими каньонами. Вечно серое, хмурое небо, нередко орошавшее пустынную землю кислотным дождем. Все в ней говорило о том, что жизни здесь нет, и не может быть. Однако это не так, жизнь здесь давно пустила свои ростки, породив на свет всевозможных плотоядных монстров, занявших место от мрачных глубин ущелий до ядовито-серых небес. Не позабыв при этом разнообразить их рацион травоядными (конечно, это сильно сказано, травы на Горгоне не было, так же, как и деревьев; единственное, что росло на камнях, это желтый желобобразный мох – «Слезы Горгоны»), нелепыми, причудливыми созданиями.

Горгона – именно с ее открытием началась новая эра человечества. Эра новых достижений и технологий. А причиной всему был металл, впоследствии названный Горгонием. Металл с поистине невероятными свойствами, коих было множество, и они обнаруживались с каждым днем, в то время как ученые делали все новые и новые сенсационные открытия. Хром, титан, да кому они теперь нужны, когда есть он – Горгоний, прочнее в сотни раз, а нагрей его чуть сильнее, добавь нужные компоненты, и вся мягкость Калия или Цезия ничто по сравнению с ним. Проводимость всех извест-

ных человечеству металлов тоже уступила место сверхпроводимости нового необычного ископаемого, коим изобилывала вся каменистая планета. Вот, пожалуй, и все, что мог знать простой смертный, остальное, как известно, знать ему ни к чему.

Я в который раз перемахнул очередной раскол в скальной породе и, зарываясь когтями в камни, резко затормозил. Передо мной, выскользнув, словно тень, из черного провала в земле, возник горгонианский черный питон, проворно вытягивая из норы свое длинное мускулистое тело, покрытое бронечешуей (в состав чешуек также входил Горгоний), которую я тоже унаследовал от представителей его вида. Монстр не стал церемониться, и сразу решил напасть. Широкая, с тремя рядами острых, как иглы, зубов, пасть сомкнулась на выставленной вперед конечности. Питон сбил меня, мгновенно оббивая множеством смертельных колец собственного тела. Однако тупая тварь просчиталась, моя рука-лапа, защищенная чешуей, была у него во рту. Одно движение кистью, и когти разрывают глотку монстра, уже размыкающаяся пасть мгновенно заполняется теплой кровью. Гигантский питон ослабляет свою хватку, и я легко освобождаюсь из его тесных объятий.

Еще полгода назад я и представить не мог, что собственноручно убью одну из лютых гадин, наводящих страх одним лишь своим трехмерным изображением в социальных сетях, в рубрике «Монстры вселенной». Еще полгода на-

зад я был обычным человеком, собственностью корпорации «Майк Гордон», вернее сказать, ее рабом, как и сотни тысяч людей, уроженцев моей родной планеты «Кобры Z 31». Да, а еще у меня была семья...

Такая легкая победа над питоном придала мне уверенности. Я был поражен мощью и способностями собственного тела. Нет, конечно, для меня это не было чем-нибудь абсолютно новым, за последние месяцы жизни со мной случилось много чего удивительного. Однако то, что сотворила со мной новая сыворотка, было поистине шедевром. Впрочем, не все так безоблачно. К каким последствиям приведет столь мощный препарат, никто не знал. Гарантий не было никаких, я был первым и единственным человеком в освоенной человечеством части Вселенной, на ком провели испытание. От этих мыслей все внутри меня замирало, я старался гнать их прочь, в конце концов, у меня задание, от успеха которого также зависело, буду я жить или нет.

Я снова перешел на бег, который не приносил ни капли усталости. Сама собой в моем мозгу возникла карта местности, и это говорило о том, что я почти на месте. Двигаться, выбирая путь, обходя многокилометровые скалы и пропасти, дно которых покрывал лес сталагмитов, стало намного легче и быстрее. Мысли о неминуемом приближении к цели заставили полностью отключиться от реальности. Это было непростительной ошибкой, которой незамедлительно воспользовался очередной абориген этой жуткой планеты.

Тяжелые, редкие удары крыльев о воздух ворвались в мои слуховые отверстия сродни грому среди ясного неба. В тот же миг когтистые лапы горгонианского Орла-дракона сграбастали меня за спину, прижимая мои перепончатые крылья, тем самым, лишая меня шанса упорхнуть. Впрочем, бегство(будь оно по земле или по воздуху, что гораздо трудней, мои крылья были слишком слабы для столь большого и тяжелого тела), не спасло бы меня от самого грозного летающего хищника. Орлодракон легко оторвал меня от земли и стал набирать высоту. Я попытался освободиться, мои передние конечности с легко выворачивающимися на 360 градусов суставами вцепились в смертельно сжавшие меня пальцы гиганта. Я зарычал, ужаснувшись собственному голосу. Однако мои манипуляции не произвели на уносившую меня гадину никакого впечатления. А когда мои нелепые движения, приносящие, разве что, неудобство, какое вша приносит своему «кормильцу», живя в его волосяном покрове, ему надоели, он просто-напросто склонил голову к ногам и больно тюкнул меня зубастым клювом. Мне ничего не оставалось, разве что повиснуть безвольным мешком с костями в лапах странного исполинского существа, сочетающего в себе внешность птицы и дракона. Да наблюдать сверху, как все дальше и дальше я отдаляюсь от своего маршрута.

К счастью, наш полет был недолгим, мы не особо отклонились от выбранного мной курса. Зато забрались так высоко в горы, что располагавшаяся внизу местность исчезла, скры-

ваемая серым непроницаемым туманом. Орлодракон завис над гнездом, в котором я с ужасом увидел маленького, жадно раскрывающего клюв-пасть детеныша. Это зрелище повергло меня в шок! Несмотря на мои нынешние размеры, а это, не много, не мало, два метра в длину, я с легкостью мог поместиться во рту голодного, противно пищащего желторотика!

Издав оглушительный каркающий звук, Орлодракон разжал лапы. Мои попытки спланировать не увенчались успехом, затекшие крылья не расправлялись, свесившись вдоль тела черными покрывалами. Я камнем падал вниз, не без удивления заметив, что мамочка-Орлодракон потеряла всякий интерес ко мне и быстро удалялась от гнезда. Тем не менее, мое положение нельзя было назвать выигрышным. Расставив все шесть конечностей в стороны, я рухнул в зубастую пасть птенца. Вернее сказать, рухнул бы, если б не простая смекалка. Растопыренные руки-лапы не дали мне влететь в горло маленького Орлодракона подобно жирному куску мяса, а застряли, цепляясь за острые зубы, разрывая слизистую. Жажущая пищи тварь ни на миг не растерялась, ловким движением головы вскинула меня кверху и снова заглотила. И опять неудача, каким-то чудом я снова встал комом в горле.

Вот уж никогда не думал, что закончу вот так. Сгину вдалеке от родной планеты, проглоченный чудовищем, от которого, в принципе, сам недалеко ушел.

«Сын, если попал в водоворот, не стоит тратить напрасно силы и пытаться выплыть, стихию не победить! – вспомнил я слова покойного отца-рыбака, добывавшего хоть какое-то пропитание для бедной семьи на нашей местной Рыжей реке. – Поддайся воде, дай ей себя увлечь, а потом ныряй как можно глубже, а там уж дело техники...»

Конечно, горло Орлодракона нисколько не напоминало мне водоворот, но я решил действовать в соответствии с инструкцией отца. Которую, кстати, так и не удалось применить на практике, спасибо «Майк Гордон», давшей нашей, прозябавшей в нищете, планете работу вкупе с «добровольным» рабством.

Уйдя от острых клыков, я «нырнул» как можно глубже, а потом заткнул собой прожорливую глотку, врезавшись в ее склизкие стенки множеством когтей. Кожное дыхание – это то, что спасало меня в данный момент, потому как остальные, нужные для этого части тела были просто напросто зажаты в тесной, жаркой, нестерпимо воняющей мгле!

Птенец судорожно сглатывал, мечась в гнезде, однако сделать ничего не мог. Какое-то время я ощущал свободное падение, потом был сильный удар и треск ломающихся костей. Выпрыгнув с широко раскрытым, усеянным клыками, ртом из пасти-клюва Орлодракона, словно и впрямь из воды, я с жадностью втянул свежий воздух. Огляделся, тяжело дыша, едва удерживаясь на трясущихся конечностях. Желторотик был мертв, его гнездо осталось далеко вверху, скрываемое

туманом.

На осознание всего, что произошло, и на передышку времени не осталось, надо было спешить. Я помчался вперед, постепенно набирая скорость. То, ради чего я прибыл на эту проклятую планету, ставшую тюрьмой для сотни тысяч рабов, день и ночь трудящихся на заводах по добыче и переработке горгония, было так близко, но мне постоянно кто-то мешал. Вернее сказать, тот, ради кого я сюда прибыл, с единственной, не изменяющейся ни при каких обстоятельствах миссией.

Я преодолел несколько миль, пока снова не стал различать «знакомые» мне части инопланетного пейзажа, «вписанные» в мой мозг умной программой. Это, безусловно, облегчило мне путь, и вот уже я стою у далеко уходящих ввысь, неприступных стен Резиденции корпорации «Майк Гордон». Одновременно являющейся постоянным местом жительства ее основателя и владельца, Майка Джонатана Гордона. Человека властного, жестокого, поработившего большую часть освоенных человечеством планет, но панически боящегося смерти. Точнее сказать, покушений на его жизнь, которые тщательно готовились его не менее сильными конкурентами, упустившими шанс владеть Горгоной.

Болезненная вспышка в мозгу, и я снова чувствую тошнотворный запах горячей человеческой плоти. А в уши врывается ураган криков сотен людей, обезумевших от боли, сжигаемых напалмом, в агонии корчившихся на асфальте. Од-

нако сквозь царящее вокруг безумие до меня долетают слова моей Дженнифер:

– Марк, спаси его! Спаси Дэнни!!! Спаси нашего сыночка!!!

Боль охватывает мое тело вместе с губительным огнем. Сквозь разъедающий глаза дым я вижу объятую пламенем жену, а рядом с ней превратившегося в обугленную головешку сына. Они больше не кричат. Я больше никогда не услышу их голосов.

– Я ненавижу тебя, Майк Гордон! – скрежеща когтями по каменной стене, прорычал я. – Ты за все ответишь, когда я доберусь до тебя!

«Если доберусь», – добавил я мысленно.

Мое задание имело личностный оттенок, и это, конечно же, действовало на меня положительно. Я готов был свернуть горы, пусть они и состояли из самого прочного металла, но добраться до нужной мне цели. Которая, кстати, была уже так близка, но в тоже время недостижима.

В моем мозгу был план всего лишь первых этажей грандиозного комплекса, уходящего на несколько километров под землю (и в личном кругу Майка Гордона тоже были недовольные, благодаря которым у меня и была хоть какая-то информация), однако то, что было ниже, оставалось покрыто мраком.

Словно киногерой очередного блокбастера, я избираю единственный верный путь для проникновения в неприступ-

ную цитадель – вентиляцию. До входа в которую, надо сказать, не так уж и легко добраться. К счастью, сами вентиляционные трубы были довольно просторны, и даже мое новое умение вытягиваться, как резина, тут, в общем-то, не играло столь важной роли. До конца не веря в удачу, несмотря на громоздкость своего нынешнего тела, я бесшумно скользил по пыльным трубам. Неужели все до примитивного легко, и вот он я, внутри неприступной крепости! В логове самого Майка Гордона!!! Да нет же, обманываюсь я на этот счет, сильно обманываюсь. Будь я простым человеком, то и на метр не подступил к черным стенам корпорации. А так, автоматика засекала очередную гадину, что населяют эту ужасную планету, и оповестила людей, а те, в свою очередь, подумали: «Да и хрен с ней, с этой тварью под стенами, пусть себе лазает!»

Те, кому я обязан жизнью, и кто меня сюда послал, разработали, бесспорно, лучшую тактику, и пока все шло четко по плану. Разве что, времени осталось маловато.

В мозгу всплыл первый день испытаний в реабилитационном центре, где мое тело, наполовину сожранное напалмом, впервые подверглось испытанию тестирующегося мутагенного препарата.

Что там тогда творилось! Сколько радости и восхищения с плохо скрываемым страхом я видел в лицах своих спасителей. Они что-то твердили о прорыве в науке, о том, как долго они к этому шли, сколько было проведено работы и

затрачено средств! Я не особо вникал в их разговоры, если быть абсолютно честным, то мне на них было наплевать. Меня мучило совершенно другое: когда мне, наконец, разрешат «прогулку». Под таким незамысловатым, простым названием скрывалось мое задание – убийство главы корпорации, названной в его честь, и владельца множества планет-каторг, рабовладельца Майка Гордона.

Информация, заложенная в глубины моей памяти, резко оборвалась, на прощание сверкнув в глазах и отразившись болью во всей черепной коробке.

«Все! Дальше ты сам, Марк! – подбадривающе мысленно сказал я себе. – Подсказки, увы, закончились!»

Очередная труба-отросток, что как паутина переплела все этажи здания, которое смело можно назвать бункером, преподнесла мне сюрприз. Для начала я вляпался в лужу скользкой, вонючей слизи, от которой слезились глаза. Ну а потом, как следствие, встретил того, кто ее оставлял. Зеленый слизень около метра в длину, сидевший на решетке воздухозаборника, выпучил на меня водянистые глаза. Тварь зашипела, раздуваясь, словно шар, из раскрытой беззубой пасти, в изобилии заполненной тонкими змеями-языками, выстрелила очередная порция слизи! В последний миг успеваю прикрыть глаза лапой, и ядовитая жижа закипает, пузырясь на моей конечности. Боли я, конечно же, не чувствую – прочная чешуя надежно оберегает мое тело. Настигаю так и не строившегося с места слизняка, и одним ударом размазываю по

стенкам вентиляции.

«Нашел на кого бочку катить!» – мысленно злорадствую.

– Мэтт, ты слышал шум, кажется, это в вентиляции? – услышал я чей-то встревоженный голос, донесшийся до меня сквозь решетку. – Как буд...

– Да расслабься ты! – оборвал его второй, раздраженный. – Надо сказать Джошу, что эти твари слизняки снова завелись в трубах, пусть потравит сволочей!

С минуту полежав и подождав, когда патрулирующие коридор охранники уйдут дальше, я снова пополз вперед.

Но куда?

Кажется, только сейчас до меня стало доходить, насколько непроста моя ситуация. Время неумолимо таяло, а я представления не имел, где мне искать Майка Гордона. То, что он находился здесь, я знал наверняка, но как его найти среди этих бесконечных коридоров-лабиринтов, тысячи кабинетов, спален, столовых...

Да этот список можно перечислять и перечислять!

Авантюра, в которую я ввязался волей судьбы, приобрела все более непредсказуемый характер! Однако пути назад уже нет, только вперед, любой ценой к заветной, ненавистой мне цели!

Запах готовящейся пищи, что проник в трубу, не вызвал во мне чувство голода, но вместе с ним в голову пришло озарение. Может быть, это полный бред, но других вариантов я все равно не видел. На некоторое время, обретя уверенность

в своих действиях, я с удвоенной быстротой пополз к стальной решетке, через щели которой и проникал аромат съестного. Мои предположения подтвердились, прямо подо мной была просторная светлая кухня, выполненная в лучших традициях современного дизайна.

– Удивляюсь я, Джим, как нашему боссу удастся поддерживать себя в такой форме! Ест все и когда душе угодно, а выглядит совсем как Аполлон! – размахивая поварешкой, тяжело дыша, проговорил грузный, словно айсберг, повар, проплыв прямо подо мной к полупрозрачной печи-гриль. – Вот и сейчас ему, видите ли, захотелось цыпленка, а время-то уже позднее, это уже и не ужин!

– Заткнись, Чарли! – оборвал его хриплый голос. – Думай своей тупой башкой, когда рот открываешь, или совсем уж мозги жиром заплыли?! Это же наш бос, и есть он будет, когда захочет, а вот таких разговорчивых и весьма упитанных поварят, как ты, он сам с удовольствием скормит какой-нибудь гадине из своего вольера! Понял меня, или помедленнее проговорить, жирдяй?

– Да иди ты, лизоблюд сраный! – огрызнулся толстяк, опять исчезнув из моего поля зрения. – На себя для начала взгляни, пузо по полу волочишь, а еще обзываешься!

Послышался смачный хлопок.

– Эй, ты чо? – недовольно вскрикнул хриплоголосый Джим.

– Сало подбери, а то развесил, как на витрине!

Оба громко заржали. Да, своеобразный у этих коков юмор. Лишь только эта мысль успела промелькнуть, как мозг мой пронзила острая боль, решетка перед глазами поплыла, а по телу прошла мелкая дрожь. Дело дрянь, я нисколько не сомневался, что это побочный эффект мутагенной сыворотки, которая начала терять свои свойства. Вместе с проблемами со зрением прибавилась и еще одна – временная глухота. Когда я, наконец, пришел в себя, то отчетливо различил новый, незнакомый голос. Говорила женщина, судя по всему, молодая.

– ...опять вы со своими шуточками, вы просто омерзительны! Где заказ? Мистер Гордон будет недоволен, что я так долго несу ему его!

– Брось ты, крошка, неужели не знаешь, как сделать так, чтобы большой папочка на тебя не сердился, – нарочно гнусавым голосом проговорил толстяк Чарли. – Ты же уже большая...

– Закрой рот и давай заказ! – строго прокричала женщина. – Живо, я сказала!

– Что ты, что ты, дорогая, мой друг Чарли не хотел тебя обидеть! – вмешался Джим, изображая добряка. – Вот он, бери, цыпленок еще горячий, с хрустящей корочкой и нежным, сочным мясом внутри, как любит наш глубокоуважаемый бос.

Каблуки звонко отчеканили по полу, послышалось какое-то шуршание, опять цокот, звук открывающейся двери

и приглушенное прощание с поварами, выраженное одним пренебрежительно сказанным словом: «Свиньи!»

Мужчины снова заржали.

– Сучка! Спит с босом, пока его жена на курортной планете, и умудряется строить из себя недотрогу... – заворчал Чарли.

Однако слушать его рассуждения о добропорядочности личной официантки Майка Гордона у меня времени не было. Я поспешил вслед удаляющейся девушке. Какое-то время я сомневался в правильности того направления, что выбрал, но услышав знакомый цокот каблуков, «пролившийся» на сердце как бальзам, уверенно двинулся по нужному, пусть не очень комфортному и тесному, но верному пути.

– Привет, Хью! – донеслось до меня сквозь одну из решеток.

– О, Саманта, привет! Что, наш босс проголодался?

Голос мужчины заставил напрячься, я снизил скорость, примкнул к прорехам в решетке. На этот раз мне повезло, и я всех увидел. Высокий, коренастый мужчина в темно-синей форме с закинутым на плечо плазменным ружьем и длинноногая брюнетка в короткой розовой униформе с белым передником о чем-то мило беседовали. Однако услышать их я снова не мог, уши заложило, а мои конечности стало выворачивать судорогой. Господи, только не сейчас! Я уже так близок к цели. Просчитались умники, их чудо-зелье «выветрилось» куда быстрее, чем они планировали.

Брюнетка улыбнулась охраннику, махнув на прощанье рукой, и пошла вперед, толкая перед собой столик-разнос. Я сделал попытку опереться на конечности, и мне это удалось. Боль, заполняющая все мое тело, постепенно угасала. Вернулся и слух, услышав веселую мелодию, что насвистывал проходящий подо мной верзила в форме, с радостью обнаружил я.

И до чего же этот подонок боится смерти! Забрался на край галактики, зарылся в неприступные недра планеты, под толстый слой самого прочного металла, открытого когда-либо человечеством, и, ко всему прочему, обложил себя охраной! Сколько их здесь – сотни, тысячи, – днем и ночью неустанно патрулирующих пустые коридоры?

Я ухмыльнулся, на секунду представив, как это выглядело на моем новом лице, и мне самому стало страшно.

«Майк Гордон, ты мой! – застучало у меня в голове в такт бьющегося в предвкушении расправы сердца. – Ничего тебя уже не спасет! Ведь я здесь, рядом, в каких-нибудь добрых двадцати метрах. И месть моя страшна!»

Словно червь, продолжаю свой фантастический путь по вентиляционной трубе. Да, именно фантастический путь, как его еще назовешь! Кто бы мог подумать, что в логово самого Майка Гордона можно так легко проникнуть, и не просто проникнуть, а двигаться, следить и контролировать ситуацию в нем.

Официантка останавливается возле шикарной, двух-

створчатой двери, на первый взгляд, смотрящейся деревянной, но, зная хозяина комнаты, можно смело утверждать, что это не так.

Я нависаю почти над ней, несколько метров вперед по трубе, и я буду в апартаментах врага! Но я терпеливо жду. Метнись я сейчас вниз, в то самое время, когда перед девушкой откроется дверь, и все, это будет провалом. Камеры наружного наблюдения не заставят себя долго ждать, а то, что их нет внутри комнаты, я был уверен. Кому понравится вечно жить под наблюдением? Даже такой, свихнувшийся на своей защите от всего и вся, человек, как Гордон, не пошел бы на это.

Мои размышления со звоном бьются, словно хрусталь, когда в голову ураганом врывается боль. Боль нестерпимая, жуткая! Я с силой сжимаю челюсти, чувствуя, как дробятся упершиеся друг в друга клыки.

Створки расходятся по сторонам, и девушка, толкая перед собой столик, входит в комнату. Чего же ты ждешь, вперед! Однако тело вновь подводит рвущийся к свершению правосудия разум. Я чувствую, как начинаю терять сознание.

* * *

– Эта забастовка? – с тревогой смотря на меня, спрашивает Дженнифер. Рука ее крепко сжимает ладошку испуганного Дэнни. – Чего они хотят, Марк?

Мы идем, с трудом пробираясь сквозь многотысячную толпу людей, собравшихся на площади. Я впереди, буквально силой пробивая себе путь, следом жена, вцепившаяся мне в локоть, и сын.

– Да, это с третьего цеха, их всех отправляют на Горгону, – торопливо объясняю я. – Дэнни, сынок, пойдём ко мне на руки.

– На Горгону? – она в испуге зажимает рот рукою.

– Да, – подхватываю сына на руки. – Быстрей, быстрей, надо уходить, пока сюда не прибыли Стражи! И надо им всем было собраться именно здесь, на этой площади!

Вой сирены, возникший сразу со всех сторон, заглушил скандирующих и выдвигающих свои требования людей. Он пронёсся над площадью, заставляя пригнуться и зажать уши. На мгновение воцарилась могильная тишина. Люди с перекошенными от боли лицами, уронив из рук транспаранты, в оцепенении застыли в гнетущем ожидании неизвестного.

Длившееся так долго мгновение тишины взорвалось ужасающими криками боли и страха. И тогда я увидел огонь. Он с грациозностью дикой пантеры перескакивал с одной спины на другую, в считанные секунды пожирая свою жертву.

– Бежим!!! – дико завопил я, чувствуя, как сомкнутые на моем локте руки Дженнифер разжались от сильного толчка. Испуганные люди, метнувшиеся в разные стороны, стали топтать друг друга, спасая каждый свою жизнь.

– Дженнифер! Дэнни! – ору я срывающимся голосом, вы-

искивая в царящем хаосе родных мне людей. Но меня так же бесцеремонно и грубо сбивают с ног. Последнее, что я успеваю заметить – это черная фигуру Стража, облаченная в защитный костюм. Он не спеша, переступая через обгоревшие, дымящиеся останки людей, надвигался мне на встречу. А многометровая струя из его огнемёта, словно адский бич, каким Дьявол погоняет своих поданных, «хлестала» вопящих во всю глотку людей.

* * *

Воспоминания, возникшие в моем мозгу подобно маслу, влитому в огонь, еще больше воспламенили мою ненависть. Я сделал попытку пошевелиться, но тело не слушалось. Препарат переставал действовать, и я снова становился человеком.

* * *

– Марк, посмотри на себя! Как бы тебе не было больно, но на человека ты и так едва похож, огонь сожрал все, – мягкий и вкрадчивый голос доктора Декера звучал в моей голове. – Однако и то, что осталось, может послужить науке и, в конце концов, во благо человечества.

Хороший он все-таки мужик, этот Декер, успокаивал ме-

ня перед тем, как ввести первую порцию препарата, хотя и сам прекрасно знал, что выбора у меня нет. Там, на площади, в тот страшный день из всей многотысячной толпы протестующих почти никто не выжил. А тем, кому посчастливилось, вряд ли можно было позавидовать. Я был одним из счастливлчиков. Как альтернатива в отказ от участия в эксперименте, шла статья, по которой меня, как главного зачинщика восстания, пожизненно сослали на одну из планет-каторг. Может быть, и на самую Горгону. Вот так вот из простого, мирно шедшего со своей семьей пешехода, я стал главарем смутьянов.

* * *

Преодолевая боль, я рванул вперед. Есть у меня еще есть немного времени! Я обязан двигаться ради тех, кого навсегда потерял.

Несколькими движениями разрываю тесную трубу и вываливаюсь наружу через располозованное когтями отверстие. Слабые ноги подкашиваются от удара об пол, я падаю и, яростно рыча, вскакиваю обратно. Что творилось в данный момент в головах присутствующих в комнате я мог лишь только предполагать. В данный момент эти двое: она, склонившаяся над стеклянным столом так, что ее пышная грудь растеклась по его гладкой поверхности, и он, одной рукой сжимавший сочную куриную ножку, а второй неспешно

блуждавший под ее подолом, могли напоминать два каменных изваяния.

– Подохни, сволочь!!! – человеческая речь, издаваемая мною, была адски страшна.

Одним огромным прыжком настигаю застывших людей и бью. Она, пролетев добрых десять метров, врывается в ярко выкрашенную стену и безвольным кулем падает вниз. А он, тщетно пытавшийся прикрыть лицо от бьющегося на сотни кусков стеклянного стола, опрокидывается на пол вместе со стулом. Верхней парой конечностей сгребая его за шею, скидываю вверх. Не без удовольствия наблюдая, как закатываются его глаза, а на изрезанном мелкими стеклами лице появляется гримаса страдания.

Еще секунда, и я разорвал бы его пополам.

– Папа.

Этот тихий, робкий, хныкающий голосок ударил в мои уши подобно ядерному взрыву. Я обернулся, сзади меня, сжимая белыми пальцами силиконового монстра, подобия тех, что обитали на поверхности, стоял трясущийся от страха мальчик. Только сейчас я увидел еще одну дверь, что вела из этой просторной комнаты в детскую.

Дэнни, мой сын, он же был примерно такого же возраста, когда сгорел на той проклятой площади.

Я повернулся к пускавшему слюни на мою мощную лапу Майку Гордону. Одними слюнями этот ублюдок, конечно же, не ограничился, опустив взгляд ниже, на ставшую темной от

влаги промежность, заметил я. Почему я должен его жалеть? Разве он в своей жизни кого-то жалел?

Я почувствовал, что новая волна приступа нахлынула на меня еще с большей силой. Лапа, сомкнувшаяся на горле моего врага, сжалась сильнее.

Ворвавшиеся в комнату босса охранники, вызванные пришедшей в себя Самантой, в первые секунды даже растерялись. Навидались они, конечно, всякого на этой планете. Однако то, что представилось их глазам, не являлось обычным монстром. Это было что-то другое. В ком, не смотря на обезображенное, выжженное будто огнем, тело, потерявшее всякое внешнее половое отличие, угадывалось нечто человеческое.

Сиреневый луч плазмы пережег державшего за шею Майка Гордона уroda, и он рухнул, увлекая за собой свою жертву. Но изменить случившееся уже было слишком поздно. Глава корпорации был мертв.

Смертельное оружие

Когда красное солнце взошло над разрушенным городом, когда осенний ветер загудел в оставшихся электрических проводах, напевая свою заунывную песню, закончилась ночь – самое ужасное время суток.

Мерфи с трудом выполз из-под бетонной плиты через узкий лаз, в руках он держал свой излюбленный автомат "Скорпион", за широкой спиной в кожаном чехле болтался меч. Слабо дымящиеся воронки на земле напоминали о недавно шедшем бое. Погибших людей не было, так же, как и главных их противников. Он отряхнул запыленную одежду, повернулся к узкому проходу, оставшемуся между криво упавшей плитой и землей.

– Гус, давай, выползай, и ты, Дон, пошевеливайся, собирай свои пробирки! – позвал он.

Из прохода появилось скуластое, мощное лицо негра лет тридцати пяти, в зубах он держал пожеванную папироску, набитую какой-то одурманивающей гадостью. Спустя несколько секунд негр Гус уже стоял около Мерфи. Это был высокий, широкоплечий мужчина в потертой кожаной куртке и таких же штанах, в огромных армейских ботинках, в руках он держал странную металлическую коробку с маленьким стеклянным экраном, из-за плеча виднелось двуствольное охотничье ружье. Следом за Гусом выбрался и Дон, сред-

него роста, в больших очках с толстыми линзами, одетый в старый джинсовый костюм, светящийся от многочисленных дыр. На кожаном ремне у него крепился чемоданчик, в крепких тонких пальцах он держал небольшую стеклянную пробирку с синей бурлящей жидкостью.

– Ну, и что же это? – устало спросил Мерфи.

– Я изобрел новое смертельное оружие! – воскликнул парень, указывая на пробирку. – Один грамм этого вещества уничтожит десятки тварей за считанные минуты!

– Твое первое вещество, как ты утверждал, тоже было смертельно для них, но на деле оно ничего не сделало, разве что разозлило этих ублюдков еще больше! – ехидно сказал Гус.

– Но оно...

– Выкинь эту дрянь, и не придумывай черт знает что! – оборвал его Мерфи. – Делом лучше бы занялся, у нас взрывчатка на исходе!

Дон молча заткнул пробирку пробкой, но не выкинул, а аккуратно положил в чемоданчик.

Они зашли вглубь города, когда солнце уже высоко повисло над разрушенными зданиями. Захламленные улицы, перегороженные разбитыми машинами, бетонными блоками и всевозможным мусором, как всегда, были тихи и безлюдны. Жизнь в этом разрушенном мире по большей части проходила под землей, где человек оставался хоть в какой-то безопасности.

– Запасы провизии на исходе, – выдавил хоть что-то за последний час Мерфи. – Пора бы и на Рынок заглянуть, перед тем, как отправиться дальше, вы как, парни, согласны?

Гус выплюнул слабо дымящийся окурок.

– Заглянем, – коротко ответил он.

Они приблизились к огромным стальным воротам, преграждающим путь в метро, в подземный мир людей.

«Дун! Дун! Дун!» – ботинок Мерфи гулко застучал по стали.

Вверху ворот что-то скрипнуло, небольшое окошечко в двух метрах от земли раскрылось, и в нем появилось худощавое старческое лицо.

– А-а-а-а! Это ты, Мерфи, давненько ты здесь не был! – воскликнул старик после секундного разглядывания стоящих. – Минутку, я открою!

Он закрыл окошечко, в ту же секунду ворота заскрипели и медленно поползли вверх. Мерфи подождал, когда они поднимутся до его роста, и шагнул вперед, за ним Гус и Дон.

– Помнится мне, ребята, в последний раз в Шарпе вас было четверо! – Согнувшись крючком, старик спускался по лестнице, приставленной к вышке у ворот.

– Да, Бен, – тихо сказал Мерфи. – Брайан Стальная Башка погиб месяц назад в Эресте.

– Ну, простите, – сказал старик Бен, спустившись на землю, и добавил философски: – В этом мире ничего не стоит уйти, и не вернуться!

– Тут ты прав, старик, – похлопав Бена по плечу, согласился Мерфи.

– Что, с провизией туго? – прищурив глаза, спросил старик, оглядывая рюкзаки спутников.

– Последняя еда закончилась еще вчера, – поглядев в направлении хорошо освещенного, уходящего далеко-далеко метро, в котором люди построили себе новый мир, ответил Дон.

– И оружие нам бы не помешало! – добавил молчун Гус. Старик развернулся к воротам, по ним уже кто-то стучал.

– Увидимся, – бросил он, и стал карабкаться на вышку.

Рынок, как всегда, был шумен и многолюден. Путники медленно пробивались к прилавкам с едой, возле которых, как обычно, толпилось много людей, которые спорили, ругались, иной раз дело доходило и до драки. Продуктов в подземном мире было очень мало, а цены на них росли. Человечество нищало, почти все отрасли промышленного и сельскохозяйственного производства были в полной разрухе. И многие из них невозможно было возродить. Однако одна отрасль все же оставалась неизменной, и даже потихоньку набирала обороты – производство оружия и военной техники, без которых люди были легкой добычей для новой доминирующей расы на Земле.

Они стояли в очереди недолго, увидев людей с оружием, толпа расступилась, Мерфи протянул продавцу две помятые

бумажки.

– Мне, пожалуйста...

Он не договорил, услышав сильный взрыв гранаты, кинулся вслед устремившейся в центр рынка толпе мужчин.

– Мутанты!!! Мутанты на рынке!!! – орали отовсюду. – Прячьте детей! В убежище!

Мерфи на ходу заряжал автомат, в руках Гуса запиликала стальная коробка.

– Где они? – не оборачиваясь, спросил Мерфи.

– Они всюду! Они окружают! – стараясь перекричать толпу, орал Гус.

Наконец они достигли центра рынка, приблизились к вооруженной толпе. Их было человек двадцать, охрана рынка. Люди стояли, обступив трепыхающееся тело мутанта, тот лежал, широко раскинув две пары крепких рук-щупалец, глаза его закатились, зубы оскалились, отчего он выглядел еще ужаснее. Грудь мутанта слабо вздымалась, он дышал хрипло и тяжело. Под широкой, покрытой шерстью, головой была лужа красной, почти человеческой крови.

– Раньше ночью нападали, а теперь и днем! – воскликнул кто-то из толпы.

– Да добейте его! – крикнул другой.

«Ши-и-и-и-и-их-х!» – щупальца лежащего мутанта резко вылетели вперед, скрутив ближайшего солдата, сдавили его. Бедняга вскрикнул, кровь хлынула изо рта рекой, тело обмякло и рухнуло на землю, все еще опутанное щупальцами.

В тот же миг раздались гулкие выстрелы винтовок М-16, голова мутанта лопнула, разлетелась по бетонному полу, как переспевший арбуз. Но не успели все опомниться от происходящего, как в скопление охранников врезался гигантский паук-саранча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.